

© 2012 г.

В.В. СОГРИН

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ США

На современном этапе развития отечественной исторической науки заметным явлением стало ее теоретическое обогащение. В теоретическом арсенале всё большее место занимает междисциплинарность, т.е. использование при познании прошлого методов различных общественных наук. Отметим, что междисциплинарность развивалась в нашей исторической науке и в советский период, но тогда она сводилась к использованию методов марксистского обществознания. В постсоветский период междисциплинарность в исторической науке качественно изменилась, поскольку она стала свободно черпать из арсенала современного мирового обществознания – культурологии, социологии, политической науки, антропологии. В настоящей статье автор предпринимает попытку обобщения собственного опыта применения междисциплинарной методологии при изучении истории США¹.

Среди методов мирового обществознания, воспринятых современной отечественной исторической наукой, наиболее значимым для нас оказался *цивилизационный подход*². Он имеет самостоятельное значение, но также может рассматриваться в контексте междисциплинарной методологии. В зарубежных странах оформилась особая междисциплинарная дисциплина изучения и преподавания истории и основ региональных и локальных цивилизаций (“Цивилизация США”, “Цивилизация Франции”, “Цивилизация Запада” и т.д.). Речь в ее рамках в первую очередь идет о материальной и особой духовной культуре, созданной данными цивилизациями, как и об их отличительных устойчивых характеристиках³. Данные характеристики определяются цивилизационными архетипами и факторами, сложившимися исторически.

Восприятие цивилизационного подхода декларировалось многими отечественными историками, но, на мой взгляд, не все смогли разработать удовлетворительную парадигму изучения конкретной региональной или страновой цивилизации. Речь идет о конкретном

Согрин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, главный редактор журнала “Общественные науки и современность”.

¹ Автор стал сознательно использовать методы мирового обществознания с 1990-х гг., что нашло отражение в монографиях современного этапа. См. *Согрин В.В.* Политическая история США. XVII–XX века. М., 2001; *его же.* Исторический опыт США. М., 2010; *его же.* Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М., 2011.

² У цивилизационного подхода сегодня есть как сторонники, так и оппоненты. Знакомство с возражениями оппонентов, на мой взгляд, свидетельствует о весьма смутном представлении о цивилизационном подходе. Не вступая с ними в дискуссию, замечу следующее. Для меня этот подход является теоретической моделью, помогающей углубить познание американской истории. Поэтому судить о его познавательных возможностях в случае данной статьи предлагаю в связи с тем, удалось достичь поставленную цель или нет.

³ Некоторые классические зарубежные работы о цивилизациях переведены на русский язык. С точки зрения междисциплинарного анализа цивилизаций лучшими, на мой взгляд, являются работы Ф. Броделя. См., напр.: *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций. М., 2008.

реестре архетипов и факторов, определяющих цивилизационное своеобразие той или иной страны (России, Великобритании, Франции, Японии, Китая и т.д.). Ниже предлагается перечень архетипов и факторов цивилизации США, который был разработан автором данной статьи и использован при изучении американской истории, ее долговременных тенденций.

США относятся к наиболее распространенному типу цивилизаций, обозначаемых как локальные. Локальная цивилизация в своем общественно-историческом развитии демонстрирует преемственность основополагающих экономических, политических и особенно социокультурных характеристик, и эти характеристики в значительной мере оказываются доминантами ее внутренней структуры и эволюции. США обладают характеристиками, типичными для западной цивилизации в целом, но в их развитии наличествуют также архетипы и факторы, присущие только им. В целом можно говорить об американской цивилизации как самостоятельном историческом феномене.

В статье пойдет речь о главных архетипах и факторах⁴, определявших и определяющих цивилизационный облик США. Некоторые из них, например, фактор отсутствия в американском прошлом феодализма или фактор фронта, признавались советскими американистами, но не в целях выявления сущностных черт американского общества, а для характеристики особенностей капиталистической общественно-экономической формации США. Цивилизационный же подход помогает понять, как подобные факторы влияли на сущностные черты американского общества. В американской исследовательской литературе нет единства в определении важнейших архетипов и факторов цивилизации США. В одном из классических исследований цивилизации США указывается, что в качестве главных факторов, способствовавших ее успеху, чаще всего выбирают такие, “как Конституция, индивидуалистический капитализм и фронтир”⁵. В другом классическом исследовании основополагающего архетипа американской цивилизации таковым выступает либерализм в его локковском варианте⁶. А известный современный политолог и культуролог С. Хантингтон видел его в английском протестантизме⁷. Еще один современный американский мэтр, Д. Белл, доказывал, что фактором, позволившим США возвыситься над другими цивилизациями, в том числе и западными, являлось уникальное по своим позитивным характеристикам гражданское общество⁸. Наконец, напомним, что первый общепризнанный классик в исследовании американской цивилизации, А. де Токвиль, считал ее основополагающим фактором демократию⁹.

⁴ Различие между архетипами и факторами в значительной мере условно, ибо многие архетипы выступали и как факторы американской цивилизации, а ряд факторов превращались в архетипы. Но определенное различие между ними существует. Архетип применительно к различным объектам и в разных дисциплинах имеет неоднозначные трактовки, а относительно цивилизации он может быть определен как ее исходная сущностно образующая форма – модель, которая по преимуществу имеет социокультурное выражение, т.е. определяет ценностные установки и нормы поведения сообщества и индивидов. Этот архетип материализуется в экономических результатах деятельности общества, социальных взаимоотношениях, во внутренней и внешней политике. Самые прочные архетипы сопутствуют цивилизации на всех ее этапах, т.е. из родового кода они становятся ее прочными постоянными факторами. В ходе же развития цивилизации могут возникать новые важные сущностно образующие факторы, которые, не будучи ее “родовым кодом”, могут приобретать не менее, а то и более важное значение, чем архетипы. При этом для всех последующих поколений они могут становиться “родовым кодом”, т.е. архетипом.

⁵ Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединенных Штатах сегодня. М., 1992, т. 1. с. 42 (*Lerner M. America As a Civilization. Life and Thought in the United States Today*, v. 1–2. New York, 1957–1987).

⁶ Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М., 1993 (*Hartz L. The Liberal Tradition in America. An Interpretation of American Political Thought Since the Revolution*. New York, 1955).

⁷ Huntington S.P. Who Are We? The Challenges to America’s National Identity. New York, 2004, p. 81–106.

⁸ Белл Д. “American Exceptionalism” Revisited: the Role of the Civil Society. – *The Public Interest*, 1989, № 95, p. 38–56.

⁹ Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 2000 (*Tocqueville A. de. Democracy in America. Two Volumes in One*. New York, 1851).

Все эти аналитические выкладки зарубежных исследователей приняты во внимание, вместе с тем я предлагаю собственный реестр архетипов и факторов цивилизации США, оказывавших воздействие на американскую историю на всех исторических этапах вплоть до наших дней. Среди архетипов и факторов цивилизации США можно, как представляется, выстроить определенную иерархию, выделить наиболее весомые и даже назвать главный фактор. Главный фактор можно выделить во многих цивилизациях, и в научном плане это важно, поскольку именно этот фактор часто выступает в качестве своего рода оси цивилизационного развития, определяет его основные сущностные черты на самых разных этапах. Например, в российской цивилизации главным фактором, за редкими историческими исключениями, оказывалось государство, поэтому ее можно определить как властечетричную цивилизацию. Ее органическая привязанность к государственной власти объясняет многие драматические неудачи в привитии ей начал цивилизации противоположного толка, в центре которой находится не государство, а индивидуум. И именно к таким цивилизациям относятся США.

Главный фактор цивилизации США, который оказывал на протяжении всей американской истории огромное, в целом ряде отношений определяющее воздействие на все сферы общества и, что особенно важно при изучении цивилизации, доминировал в национальной культуре, представляется возможным обозначить как *либерально-капиталистический индивидуализм*. Данное понятие содержит в себе сразу три ключевых слова, каждое из которых имеет принципиальное значение. Понятие “индивидуализм” означает, что на протяжении всей американской истории отдельный индивидуум рассматривался и предстал в качестве самостоятельного и главного субъекта общества, ответственного за реализацию своих возможностей и способностей, как и за собственное благополучие. Совокупность усилий свободно действующих “экономических” и “политических” индивидуумов в американской цивилизационной парадигме выступает в качестве фундамента благополучия и прогрессивного развития общества в целом.

Но индивидуализм так или иначе присутствовал и в предшествующих обществах, например, он существовал еще в Древней Греции и Древнем Риме. Однако американский индивидуализм всё же обладает национальными особенностями, которые я попытался обозначить при помощи определения *либерально-капиталистический* (для индивидуализма в западноевропейских странах я бы счел необходимым поискать иное определение). В этом определении, в котором важны оба понятия, подчеркивается особая, наивысшая степень развития индивидуализма именно в американской цивилизации. Оно призвано подчеркнуть также особую нацеленность американского индивидуализма на достижение материальных целей, экономического благополучия и выгоды. Конечно, индивидуализм способствовал реализации самых разных возможностей личности, но в США, возникших сразу в качестве буржуазного общества, главным мерилом индивидуального успеха всегда выступал успех материальный, приобретение и умножение собственности и богатства. Не случайно первый выдающийся национальный ум Америки, Б. Франклин, занявший в качестве философа место в одном ряду с Вольтером и Дидро, формулировал жизненные заповеди, которые трудно представить в устах западноевропейских просветителей. “Пустой мешок не стоит” и “Время – деньги” – эти максимы Франклина превратились в США в национальное кредо.

С самого начала либерально-капиталистический индивидуализм выступал в Америке в качестве именно общенациональной ценности, а не только кредо одного буржуазного класса. Его разделяли если не все классы и социальные группы, то их большинство, что являлось важнейшей причиной смягчения классовых конфликтов даже в условиях присутствия самих этих классов в социально-экономической структуре. (В этом смысле либерально-капиталистический индивидуализм играл в США такую же роль, какую, скажем, в Индии, цивилизации противоположного типа, играла кастово-варновная система.) Огромное число американских рабочих всегда разделяли веру в то, что главным является индивидуальный успех и что каждый индивидуум сам ответствен за свое материальное благополучие. Эта вера не предотвращала возникновения самих классов. Вопреки мнению, встречающемуся среди американских обществоведов, что

особенностью США является наличие в них бесклассового общества, классовые разделения в стране присутствовали всегда. Но во все эпохи классовое самосознание нижних американских слоев было одним из самых низких в мире, а часто более сильным противовесом ему в ментальности масс была вера в возможность восхождения благодаря индивидуальной ответственности, способности и инициативе в те слои, которые именуются буржуазными.

Социокультурный триумф либерально-капиталистического индивидуализма имел свои плюсы и свои минусы. Есть основания согласиться с теми, кто рассматривает этот феномен в качестве важнейшей и, возможно, главной причины материальных успехов американской цивилизации. Можно согласиться также с теми, кто полагает, что торжество индивидуализма в национальной ментальности стало важнейшей причиной как неизменно глубокой социальной дифференциации общества, так и нечуткости его благополучного большинства к материальному прозябанию нижнего класса. США на протяжении большей части своей истории были более богаты и благополучны, нежели другие западные страны, они имели самый преуспевающий верхний класс и самый материально обеспеченный средний класс, но они же среди всех западных обществ демонстрировали самые серьезные социальные контрасты и имели самый обездоленный нижний класс.

Главенствующая позиция либерально-капиталистического индивидуализма среди факторов цивилизации США серьезно повлияла на другой фактор – *равенство*, которое также изначально присутствует среди важных американских социокультурных ценностей. Во многих национальных культурах, в том числе в российской, эта категория трактуется как равенство в материальном положении, в целом в достигнутых жизненных результатах. Но в американской национальной культуре и ментальности эта категория изначально трактовалась как *равенство возможностей*, которое при наличии индивидуальной свободы в качестве главной ценности и при том, что индивиды от природы наделены разными способностями, совместимо с достижением ими разных жизненных результатов и утверждением в результате материального неравенства. Государственное вмешательство в конкурентную борьбу индивидов допускалось только в целях утверждения равенства возможностей, но ни в коем случае не в целях имущественного уравниательства (или, как говорят в США, “равенства результатов”).

Такое понимание равенства, как и его соотношения с индивидуальной свободой, господствовало в США на протяжении всей американской истории. Его практические результаты, включающие серьезные парадоксы, могут быть проиллюстрированы яркими примерами. Известно, что на современном этапе в результате успехов движений женщин и чернокожих американцев, им удалось добиться серьезного расширения равенства возможностей для этих двух крупных социальных групп. В результате ощутимо улучшилось их экономическое и статусное положение, многие их представители поднялись в средний и верхний классы. Парадоксом же по отношению к этому достижению является то, что имущественные различия между тремя экономическими классами – нижний, средний, верхний – в США не только не уменьшились, но, начиная с 1970-х годов, даже увеличились¹⁰. Объяснение заключается в том, что равенство возможностей для женщин и чернокожих дало возможность возвыситься, перейти в более высокие и благополучные страты и слои наиболее способным и энергичным среди них, а наименее способные остались в прежнем положении, а то и спустились вниз по социальной лестнице.

Следующий важный фактор американской цивилизации – ее *англосаксонские корни*. Англосаксонский цивилизационный архетип господствовал в период становления североамериканского общества в XVII–XVIII вв. и сохранял огромное влияние на протяжении всей последующей американской истории. Североамериканское общество начиналось не с “чистого листа”, оно возникло в XVII в. как продолжение английской

¹⁰ Подробно см.: *Согрин В.В.* Экономическое неравенство в истории США – Новая и новейшая история. 2009, № 1, с. 71–93.

истории и цивилизации, тогда уже одной из самых передовых и материально развитых. Англичане, составлявшие на протяжении первых двух столетий американской истории большинство переселенцев, переносили в Новый Свет социально-экономические и политико-правовые институты и традиции старой родины, развивавшиеся на протяжении нескольких столетий.

Американские колонисты рассматривали себя как англичан, переселившихся в Новый свет, наделенных такими же правами и свободами. Великую хартию вольностей 1215 г., как и другие принципы английского конституционализма, которые отсутствовали в континентальной Европе, они воспринимали как свои собственные. При этом английский цивилизационный архетип в их сознании обладал и важными особенностями, которые способствовали большей развитости этого сознания, нежели у многих англичан. Дело в том, что освоение колонистами Северной Америки началось после завершения в Европе эпохи Реформации, расколовшей население западноевропейских обществ на приверженцев ухोдивших в прошлое принципов средневековья и сторонников нарождающейся буржуазно-индивидуалистической цивилизации. Среди английских переселенцев в Северной Америке преобладали те, кто своим переездом выражал протест против феодального наследия и пережитков европейской родины и хотел развивать в чистом виде ее новые начала. Английский цивилизационный архетип американцев вобрал в себя в первую очередь эти начала.

Английский цивилизационный архетип утверждал индивидуума в качестве главного субъекта американской цивилизации. Но он же способствовал развитию в американской цивилизации такого важного субъекта как *гражданское общество*, по видимости оппозиционного индивидууму. Но в действительности индивидуум и гражданское общество в Северной Америке находились в более сложных отношениях, которые в позитивной части включали сосуществование, взаимодействие и гармонию. При этом оба фактора в качестве культурно-цивилизационных ценностей были *впереди государства*. Роль гражданского общества, представлявшего совокупность добровольных объединений индивидов, создаваемых для солидарного достижения общих целей и интересов и регулирования норм общежития, традиционно присутствовала в Англии, а в Северной Америке она еще более упрочилась уже по той причине, что объема правительственной власти в ней явно недоставало для организации и регулирования правового пространства.

В колониальный период основными ячейками гражданского общества стали протестантские общины, объединявшие подавляющее большинство американцев. Они являлись главным институтом гражданской самоорганизации не только в пуританских северо-восточных колониях, но и в англиканских колониях Юга¹¹. В последующем ячейки, институты и сети гражданского общества всё более увеличивались и разнообразились. В 1830-е годы А. де Токвиль уже писал о них как о главнейшем институте американской демократии: “Американцы всех возрастов, любого состояния и положения в обществе без устали объединяются в ассоциации. Не только в торговые и промышленные, в которых участвуют все, но и в тысячи других – религиозных и моральных, серьезных либо пустяковых, всеобщих и очень узких, гигантских по размеру и крошечных... Если во Франции во главе всякого нового дела вы найдете правительственный орган, а в Англии какого-нибудь земельного магната, в Соединенных Штатах вы всякий раз на этом месте обнаружите ассоциацию”¹². В XIX в. США в развитии гражданского общества настолько превзошли Старый Свет, что некоторым выдающимся европейским умам оно стало

¹¹ Лаконично и в то же время исчерпывающе раскрыл роль приходов крупнейший исследователь американской цивилизации Д. Бурстин: *Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт*. М., 1993, с. 163.

¹² Цит. по: Белла Р., Мэдсен Р., Салливан У., Суидлер Э., Типтон С. Привычки и нравы. Индивидуализм и служение обществу в жизни американцев. – США. Экономика. Политика. Идеология, 1987, № 11, с. 75.

казаться достоянием одной Америки. Так рассуждал не только Токвиль, но и Г. Гегель, который, кстати, ввел в оборот само понятие “гражданское общество”¹³.

По мнению ряда исследователей, XIX столетие оказалось золотым веком американского гражданского общества. В последующем его роль стала ослабевать, а его функции во всё большей мере переходили к государству и бюрократии. В российской американистике тема гражданского общества как важного фактора цивилизации США остается слабо исследованной и, безусловно, заслуживает дальнейшего изучения. В частности, заслуживает особого внимания воздействие гражданского общества на американскую политическую власть и демократию.

Среди наиболее важных факторов американской цивилизации исследователи неизменно выделяют феномен подвижного *фронтира* – возможности для массы белых американцев на протяжении XVII–XIX вв. “передвигать” границу освоенных восточных земель и заселять огромные незанятые западные территории, превращаясь в независимых собственников – фермеров, торговцев, предпринимателей. Фронтир оказывал разнообразное воздействие на американское общество уже в колониальный период. Благодаря возможностям вхождения в ряды сельских собственников до 70% белых колонистов оказывались в среднем классе, а уровень их жизни уже тогда был в полтора – два раза выше, чем у англичан, которые, в свою очередь, преуспевали более, чем жители континентальной Европы¹⁴. После Войны США за независимость из земель, расположенных за фронтиром, был образован государственный фонд, включивший первоначально незанятые северо-западные территории. Здесь нет возможности рассматривать противоречивые аспекты аграрного законодательства. Для нас важна та его сторона, которая заключалась в приобщении к земельной собственности масс безземельных и малоземельных американцев и как следствие – ослаблении имущественного неравенства. С 1800 по 1860 г. благодаря этому фактору число самостоятельных фермеров-собственников почти в три раза превышало численность сельскохозяйственных рабочих. В пятидесятилетие после Гражданской войны фермы основывались по преимуществу на новых западных землях, общее же количество ферм за этот период выросло с 2,6 млн. до 6,4 млн. акров¹⁵.

Роль подвижного фронтира в развитии американской цивилизации привлекала внимание европейских наблюдателей (например, уже упоминавшегося Г. Гегеля) и американских исследователей. Самый известный среди последних, Ф. Дж. Тёрнер, давший в конце XIX – начале XX в. не просто обстоятельное исследование истории фронтира, а предложивший всестороннее обоснование его цивилизационной роли, стал классиком национальной и мировой американистики¹⁶. Концепция Тёрнера пользовалась огромным влиянием до 1930-х годов, затем ее популярность стала ослабевать. В ней были обнаружены серьезные недостатки и упрощения¹⁷. И всё же при всех недостатках концепции Тёрнера она и сегодня не может быть признана полностью несостоятельной и списана в историографический архив. Ряд ее принципиальных положений сохраняет научное значение. Самое главное среди них заключается в том, что Запад действительно серьезно влиял на цивилизационное своеобразие США. Массовое переселение американцев на западные территории и обращение многих из них в самостоятельных собственников

¹³ См. об этом: *Bell D.* “American Exceptionalism” Revisited: the Role of the Civil Society. – *The Public Interest*, 1989, № 95.

¹⁴ *McCusker J., Menard R.* The Economy of British America, 1607–1789. Chapel Hill, 1985, p. 51–65; *Jones A.* Wealth of a Nation to Be: the American Colonies on the Eve of the Revolution. New York, 1980; *Coclanis P.* The Wealth of British America on the Eve of the Revolution. – *Journal of Interdisciplinary History*. 1990, v. 21, p. 245–260.

¹⁵ *Billington R.A., Ridge M.* Westward Expansion. A History of the American Frontier. New York – London, 1982, p. 663, 693.

¹⁶ *Turner F.J.* Rise of the New West. New York – London, 1906; *idem.* The Frontier in American History. New York, 1920; *idem.* The United States. 1830–1850. The Nation and Its Sections. New York, 1935.

¹⁷ Подробно о них см. *Согрин В.В.* Исторический опыт США, с. 155–156.

укрепляло демократические стороны американского капитализма, расширяло его социальную базу, обеспечивало ему преимущества, которых не было у других обществ западной цивилизации. Капитализм в сельском хозяйстве США развивался более динамично и успешно, нежели, например, в Англии, как и в большинстве других европейских стран. Благодаря в первую очередь наличию “подвижной границы” на Западе, как она известна в исторической литературе, создавалась “подвижная граница” между классами, давшая основание К. Марксу, этому беспощадному критику капитализма, заключить в 1852 г., что в США “классы хотя уже существуют, но еще не отстоялись и в непрерывном движении постоянно обновляют свои составные части и передают их друг другу”¹⁸.

На рубеже XIX–XX вв. фронт (граница) достиг своего естественного географического предела, но его цивилизационное значение не было исчерпано, ибо он сохранился в качестве социокультурного архетипа в американской национальной ментальности. В ней прочно укоренилось то представление, что каждый индивидуум должен иметь и имеет возможность преодолевать жизненные фронтиры, не бояться “сниматься с места”, если возможности имущественного или статусного роста исчерпаны или неудовлетворительны, устремляться на новые места, которые обещают новые, лучшие возможности. Все поколения американцев, даже после исчерпания географического фронта, демонстрировали гораздо большую, нежели другие народы, горизонтальную мобильность – в случае с американцами способность по несколько раз в жизни сменять места проживания и трудовую деятельность.

На протяжении американской истории важным ее культурно-цивилизационным фактором являлась *иммиграция*. Сначала из европейских стран, а с середины XX в. во всё большей мере из Азии, Латинской Америки и Африки. Эта иммиграция приносила с собой новые культурно-цивилизационные веяния, которые влияли на самые разные общественные сферы. Огромная роль многонациональной массовой и перманентной иммиграции в американском обществе и цивилизации признаётся всеми исследователями. Многие из них убеждены, что она оказывала огромное позитивное влияние на экономическое развитие США. Иммигранты отличались друг от друга и по этническим и по социальным характеристикам, но вместе с тем среди них преобладали характеры неординарные, смелые, предприимчивые, даже отчаянные (уже сама переправка через океан – путешествие на всю жизнь в неизвестное будущее – требовала определённого мужества). По прибытию в Америку они трудились в поте лица своего, выбивались в люди, а совокупность их огромных и методичных индивидуальных усилий увеличивала и благосостояние нации в целом.

Различия между исследователями возникают в вопросе о взаимодействии иммиграции и англосаксонского архетипа американской цивилизации. Главенствует мнение, что вплоть до середины XX в. англосаксонский архетип “перемалывал” ментальности неанглийских иммигрантских этносов и их представители превращались в американцев англосаксонского культурного типа. Иммигранты впитывали англосаксонский архетип, с одной стороны неосознанно, поскольку он не просто преобладал, а господствовал в американской цивилизации и сопротивление ему означало превращение в ее изгоя. С другой стороны, большинство иммигрантов осознанно стремились как можно быстрее превратиться из итальянцев, немцев, русских, испанцев в американцев с англосаксонской культурой, поскольку это способствовало ускоренному достижению их “американской мечты”. Как пишет, Ф. Бродель, “для европейского иммигранта принять эти общественные правила значит отказаться от старых, европейских норм, обрести надежду... Если самому иммигранту трудно к этому привыкнуть, если он испытывает чувство понятной ностальгии, то его дети озабочены в первую очередь тем, чтобы раствориться в массе американцев. Все социологи отмечают, что дети иммигрантов испытывают желание вытравить следы их национального происхождения”¹⁹.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 127.

¹⁹ Бродель Ф. Указ. соч., с. 459.

Историко-социальный механизм ассимиляции иммигрантов в американскую национальную общность на основе восприятия норм господствующей англосаксонской культуры был обозначен в исследовательской культуре как “плавильный котел”. Он определял взаимоотношения этносов в Северной Америке на протяжении трех с половиной столетий. Однако на современных исторических этапах, начиная с середины XX в., “плавильный котел” начал испытывать соперничество со стороны фактора иного толка, обозначаемого как *мультикультурность*. Она означает, что этносы и расы, отличные от англосаксов, обретают право на сохранение и увековечение своей национально-культурной идентичности, которая многими поборниками мультикультурности приравнивается не только к автономии, но даже к суверенитету и уж, безусловно, к равенству с англо-американским национально-культурным ядром.

Укрепление фактора мультикультурности в американской цивилизации вызвало алармистские настроения в американском обществе, причем в разных его спектрах. По мнению авторитетных авторов, среди них ведущие политологи и историки, мультикультурность грозит цивилизационным основам США, может привести к их расколу на враждебные цивилизации²⁰. Встречаются суждения и прогнозы противоположного толка. Главный контраргумент состоит в том, что рыночно-капиталистическая культура перемалывает все национально-этнические особенности. Так что взаимодействие двух важнейших цивилизационных факторов – *плавильного котла* и *мультикультурности* – остается проблемой дискуссионной.

Обратимся к цивилизационному фактору внешнеполитического развития США. Это не единственный фактор, влияющий на внешнюю политику США. Движущие мотивы внешней политики США многочисленны и неоднозначны, но среди них есть место и цивилизационному фактору, который представляется возможным определить как *экспансионистский мессианиззм* (американские исследователи подчас обозначают его как *идеализм, интернационализм, а также демократический мессианизм*). О его присутствии в американской истории говорил нынешний президент США Барак Обама: “У нас в ДНК... отпечатано стремление к расширению – географическому, экономическому и идеологическому”²¹. В качестве мессианского архетипа выступает убеждение переселенческих протестантских общин XVII в. о своей избранности и миссии для обустройства идеального христианского *Града на холме*. В следующем столетии восприятие Америки в качестве земли обетованной дополняется представлением о ней как о “новой империи”, отличающейся от прежних своим уникальным демократизмом. Эта концепция была воспринята отцами-основателями, включая Дж. Вашингтона. Но всё же в тот период мессианская идея существовала подспудно, поскольку США оставались слабым государством, не могли соперничать с европейскими державами в реализации экспансионистских амбиций и были в практическом плане озабочены самосохранением.

Ситуация меняется в следующем столетии. В 1823 г. президент США Дж. Монро объявил, что его страна выполняет миссию гаранта принципов свободы и демократии на всем американском континенте. В 1845 г. в ходе войны с Мексикой была сформулирована одна из самых известных доктрин американского мессианизма – предопределения судьбы (*Manifest Destiny*). Высказанная одним из духовных лидеров Демократической партии Дж. О’Салливаном и подхваченная политической элитой нации, она объявляла излишними традиционно правовые дискуссии об экспансионистских устремлениях США на американском континенте: “Эти претензии основываются на праве, вытекающем из того, что нам предопределено судьбой распространить свое владычество на весь

²⁰ Schlesinger A.M. Jr. *The Disuniting America. Reflections on a Multicultural Society*. New York, 1991; Buchanan P.J. *The Death of the West*. New York, 2002; Huntington S.P. *Who Are We? The Challenges to America’s National Identity*. New York, 2004. Некоторые алармистские работы, предсказывающие неизбежную и скорую гибель США от антагонизмов, заключенных в мультикультурности, переведены на русский язык. См. напр.: Бьюкенен П.Дж. *Смерть Запада*. М., 2003; Читтам Т.У. *Крах США. Вторая гражданская война*, 2020 год. М., 2010.

²¹ Обама Б. *Дерзость мечты*. СПб., 2008, с. 313.

континент, который дарован нам Провидением для выполнения возложенной на нас Великой Миссии: установить свободу и федеративное самоуправление”²².

В XIX в. идеи национальной избранности и предназначения Америки к миссии маяка и форпоста демократического будущего человечества становятся неотъемлемой частью национального сознания. В последующем картина не изменилась. Президент США начала XX в. Вильсон декларировал исходное предназначение Америки: “Мы пришли спасти мир, дав ему свободу и справедливость”. Американский президент начала XXI в. Дж. Буш-младший обосновывал цель “глобальной демократической революции”, провозгласил основополагающей задачей внешней политики США “продвижение демократии во всем мире и смену режимов”²³. На современном этапе идея “предопределения” США для создания мировой демократической империи выступала в идеологии американской элиты наиболее зримо и откровенно. Сравнительные опросы общественного мнения в различных странах обнаруживали, что патриотизм американцев, их вера в непреходящие достоинства национальных институтов были существенно выше, чем в других западных, да и многих незападных государствах. Также многие американцы, а в ряде случаев большинство опрошенных, относили “распространение демократии по всему миру” к важнейшим целям внешней политики США²⁴.

Раскрывая значение мессианизма в качестве цивилизационного фактора внешней политики США, хотелось бы вместе с тем предостеречь от преувеличения и тем более абсолютизации его значения. В разные эпохи этот фактор действовал неравномерно и неоднозначно, в одни из них он находился в латентном состоянии, дремал, в другие пробуждался и проявлял себя зримо и агрессивно. После поражения США во Вьетнаме он резко ослабел, и, казалось, у американцев наступило выздоровление и освобождение от имперско-мессианского синдрома. Однако на современном этапе произошла его реанимация. Возможно, завтра он вновь отступит на задворки американской национальной ментальности, но вытравить его вряд ли возможно.

Наряду с мессианизмом на американскую внешнюю политику оказывали воздействие другие факторы, которые уже нельзя отнести к цивилизационным и которые в равной степени присущи многим странам. Это прежде всего экономические интересы, как национальные, так и господствующего класса. Это также конкретные политические расчеты, призванные обеспечить США ту позицию в мире, которая позволяет добиться выгодного для них баланса сил. Важно находить точную меру влияния культурно цивилизационного фактора мессианизма на внешнюю политику США, но отрицать его значение в формировании американской внешней политики невозможно.

Используя цивилизационный подход, я не возвожу его в ранг наиболее, а тем более единственно научного, лишенного каких либо недостатков и слабостей. Одним из слабых мест цивилизационного подхода, проявляющихся в работах, написанных на его основе, является абсолютизация роли цивилизационных факторов на различных исторических этапах. Избежать опасности цивилизационного “перекоса” в изучении истории той или иной страны, в том числе и США, можно, в первую очередь, твердо оставаясь на почве историзма. Это позволяет обнаружить, что цивилизационные характеристики не были некими монолитами, они видоизменялись в различные исторические эпохи, могли блокироваться, а то и нейтрализовываться иными факторами, как и меняющейся исторической средой. Например, как уже было показано, “плавильному котлу” этнических взаимоотношений на современном этапе противостоит и ослабляет его фактор мультикультурности. Фактор фронта в его прямом значении исчерпал себя на рубеже XIX–XX вв. А такой важнейший фактор, как либерально-капиталистический индивидуализм, на различных этапах приобретал разные формы. Например, в XVII–XVIII вв.

²² Weinberg A.K. Manifest Destiny. Baltimore, 1935, p. 145.

²³ Цит. по: Шлезингер А.М. (мл.). Циклы американской истории. М., 1992, с. 82; См. также: Кейсан Р. Конец иллюзиям: история возвращается. – Pro et Contra. 2007, № 6, с. 21.

²⁴ Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. М., 2008, с. 26, 134–135.

он выступал в пуританских одеждах, которые его серьезно регламентировали, даже сковывали, но вместе с тем дисциплинировали. В десятилетия же после Гражданской войны 1860-х годов он выступал в социал-дарвинистских формах, придавших ему наиболее жёсткий, антигуманный характер. В XX в. свершилась новая его модернизация. Цивилизационные категории, как и категории любой иной обществоведческой теории, выражают определенные важные тенденции, но не более того, они сродни скорее веберовским идеальным типам, а не неким “железным” законам истории.

Цивилизационные факторы, как можно заключить, присутствуют в экономике, внешней политике, расово-этнических отношениях США и находятся в поле зрения разных дисциплин. Но особенно заметно их присутствие в национальной культуре и ментальности, поэтому их постижение невозможно без привлечения социальной антропологии и культурологии, как и дисциплины, в рамках которой изучаются Соединенные Штаты Америки как цивилизация. Следующей важной дисциплиной, поставляющей теоретический инструментарий для междисциплинарного изучения американской истории, является политическая наука.

В советском общественном знании она была дисциплиной *non grata*, в постсоветский период стала обретать право гражданства под именем политологии (но за рубежом чаще обозначается как политическая наука). Отечественные ученые стали осваивать ее категории и подходы, которые приобрели важное значение при анализе не только современности, но и истории. Восприятие этих категорий и подходов обнаружило уязвимость многих построений советских обществоведов, в том числе и американистов. Взять хотя бы характерную для советских американистов попытку рассматривать американскую политическую власть одновременно и как буржуазную демократию, и как диктатуру капиталистического класса. На самом деле понятия “диктатура” и “демократия” несовместимы, и если американская политическая власть всегда была демократической, то она по определению не может быть поименована диктатурой. Что касается классового характера американской политической власти, то он не может быть определен а priori, как это, по сути, делали советские обществоведы, а должен выявляться на основе междисциплинарного теоретического анализа и конкретно-исторической эмпирики, раскрывающей реальное влияние и реальное участие в политической власти разных социальных классов и групп. При этом я не считаю классовый анализ несостоятельным по определению, он сохраняет познавательные возможности, но они могут раскрыться только при его сочетании с другими научными принципами, и, конечно же, при соблюдении принципа историзма. Поясню это на примере изучения все той же политической власти. Как представляется, классовый подход наиболее плодотворен при изучении характера политической власти рабовладельческой и феодальной эпох, когда нижние экономические классы были лишены возможности влиять на нее. Но в капиталистическом обществе такие возможности у них появляются и возрастают. В этом обществе, что ярко проявилось и в американской истории, политическая власть, хотя и не утрачивает элитарного характера и испытывает непропорционально большое влияние со стороны верхнего класса, становится вместе с тем более плюралистической и демократической.

Возможности более всестороннего анализа политической власти как раз заключены в категориях и методологии политической науки. Нельзя не отметить вместе с тем опасности, возникающей в случае механистического восприятия историком категориально-понятийного аппарата этой науки. Приведу показательный пример. Одной из наиболее распространенных политологических категорий, воспринятых на современном этапе многими отечественными историками, является *тоталитаризм*. Данное понятие стало применяться при изучении самых разных исторических тем и периодов. Не только начинающие авторы, но и маститые исследователи, признанные в своих темах авторитеты, используют эту категорию при характеристике политической власти в эпохи Петра I, Ивана Грозного и даже Древнего Рима. Между тем тоталитаризм, как он используется и определяется в политической науке, – феномен, который возникает в XX в., является порождением массовой политики и к более ранним периодом отнесен быть не может.

Ловушка антиисторизма вообще является главной опасностью, возникающей в случае механистического восприятия историками междисциплинарной методологии. Дело в том, что для общественных наук, в отличие от историографии, историзм отнюдь не является “священной коровой”. Многие общественные науки, среди них экономика, социология и политология, поставляющие основной материал для междисциплинарной методологии, сориентированы в первую очередь и даже почти исключительно на изучение современности, многие параметры которой обладают фундаментальными отличиями от параметров прошлых эпох. Кроме того, лежащий в основе главных социальных наук структурно-функциональный анализ ориентирует на изучение константных общественных феноменов, иначе говоря, какие функции и каким образом выполняют те или иные общественные структуры и институты в том или ином временном срезе. Что же касается общественных изменений, имевших место в прошлом, исторической конкретики и специфики, не укладывающихся в структурно-функциональные взаимосвязи, то они зачастую трактуются как не заслуживающая внимания “событийная история”.

Ловушки антиисторизма не могут избежать и некоторые американские ученые, использующие методы политической науки для изучения прошлого. Ярким примером является изучение представителями американской школы исторической политологии дифференциации электората США в десятилетия перед Гражданской войной 1861–1865 гг. Обратившись к этому периоду, представители исторической политологии пришли к выводу, что в основе размежеваний американского электората лежали этнорелигиозные мотивы (англосаксы и протестанты поддерживали Республиканскую партию, а ирландцы, немцы, другие иммигрантские группы, вливавшиеся к тому же в католическую деноминацию, – Демократическую партию), а проблема рабства избирателей вообще не волновала²⁵. Если следовать подобному умозаключению относительно партийно-политических размежеваний 1840–1850-х годов, то тогда возникновение Гражданской войны становится совершенно необъяснимым. Она предстает неким “чертом из табакерки”. Многие американские историки, возмущенные выводами политологов, преподнесенными как последнее слово науки, предложили попросту игнорировать их.

Подобный подход представляется мне крайностью. На самом деле категории и понятия политической науки помогают в случае их надлежащего соединения с собственными методами и приемами исторической науки, глубже и разностороннее раскрывать сущностные, структурные и системные характеристики и взаимосвязи разных исторических эпох. Важно помнить, что эти категории и понятия, также как и цивилизационные категории, являются теоретическим подспорьем для постижения сущностных характеристик прошлых эпох, но ни в коем случае не их матрицей.

Назову только некоторые важные категории политической науки, которые табуировались советским общественным сознанием, но вошли в обиход постсоветского, в том числе исторической науки. Это “политический режим”, “политический плюрализм”, “политическая культура”, “политический актор”, “политическая социализация”, “политический класс”, “политическое участие”, “политическая модернизация”. Их важность проиллюстрирую при помощи категории “политический режим”. Советское общественное сознание определяло характер государственной власти на основе его конституционного устройства, в результате советская власть представляла как демократическая, поскольку все Конституции СССР были демократическими, в частности провозглашали свободы слова, партий, печати, собраний. Категория же “политический режим” нацеливает на изучение того, как на деле функционирует власть, выделяя три главных типа политического режима – демократический, авторитарный, тоталитарный. Применив эти категории

²⁵ Benson L. The Concept of Jacksonian Democracy: New York As a Test Case. Princeton, 1961; Kleppner P. The Third Electoral System. 1853–1892: Parties, Voters and Political Culture. Chapel Hill, 1979; Formicano R.P. The Birth of Mass Political Parties: Michigan, 1827–1861. Princeton, 1971; Holt M.F. Forging a Majority: The Formation of the Republican Party in Pittsburgh. 1848–1860. New Haven, 1969; Silbey J.H. The Transformation of American Politics. 1840–1860. Englewood Cliffs, 1967.

к советской демократии, нетрудно обнаружить, что она совмещалась с тоталитарным, временами с авторитарным политическим режимом, но никогда с демократическим.

Политический режим США, напротив, был (за исключением колониального периода) всегда демократическим, как и их политическая власть в целом. Но уровень демократии, как и ее типы, имел различия. Но какие? Ответить на эти вопросы как раз и помогает политическая наука. Она насчитывает множество типов демократии: прямая демократия, представительная демократия, мажоритарная демократия, плюралистическая демократия, процедурная демократия, либеральная и нелиберальная демократия, партиципаторная демократия, элитарная демократия. Как соотносится с ними демократия США? В американской политической науке в этом важном вопросе нет единства²⁶, а магистральное различие пролегает между теми (назовем их оптимистами), кто считает, что в США власть принадлежит если не всем, то большинству или множеству граждан, и теми (их назовем “пессимистами”), кто полагает, что она принадлежит меньшинству.

Среди “оптимистов” также есть различие: те, кто полагает, что власть принадлежит всем гражданам в равной степени, находясь в меньшинстве, а преобладают те ученые, которые считают, что власть принадлежит многим, но не всем. Концепцию, отстаиваемую меньшинством, часто именуют *мажоритарной демократией*. Классическим выражением этой концепции остается знаменитое определение американской демократии Авраамом Линкольном – “правление народа, посредством народа, для народа” (“The government of people, by people and for people”). Определение это и сегодня присутствует в официальном американском представлении о характере политической власти в США, но среди ученых, даже среди тех, кого можно зачислить в направление *оптимистов*, такое представление разделяют далеко не все. По мнению же большинства, правление народа, или мажоритарная демократия, как и родственная ей по значению прямая демократия²⁷, в США отсутствует, и это является благом, поскольку, по их убеждению такая демократия заключала бы в себе опасность охлократии (власть толпы) и перерождения в тиранию²⁸.

Эти политологи в качестве позитивной альтернативы мажоритарной демократии называют *плюралистическую демократию*, и полагают, что именно она и присутствует в США. В американских условиях, согласно данным ученых, естественным образом вызрела политическая конкуренция свободно формирующихся объединений граждан, всевозможных ассоциаций, групп интересов, политических партий. Она и рождает реальную политическую власть²⁹. Эти ученые также доказывают, что плюралистическая демократия, чтобы быть действенной, должна дополняться *процедурной демократией*, т.е. набором механизмов и процедур, обеспечивающих равенство

²⁶ О взглядах ученых США на демократию см.: Баталов Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века. М., 2010.

²⁷ Это понятие означает непосредственное отправление народом законодательной, исполнительной и судебной власти. Классическим и по сути единственным образцом прямой демократии было государственное управление в Афинах в V в. до н.э.

²⁸ Мысль, идущая еще от Платона.

²⁹ Признанным лидером данного направления на современном этапе выступал Р. Даль. Он назвал свою модель полиархией. В отличие от модели мажоритарной демократии, обосновывающей власть большинства, а значит, народа в целом, полиархия означает власть многих, под которыми понимаются индивиды, не просто наделенные избирательным правом, но способные реально влиять на власть при помощи разнообразных средств, например и особенно посредством объединения во всевозможные группы интересов и давления. Эти *многие* не обязательно представляют большинство и, кроме того, в отличие от большинства они не едины, а являют совокупность разнородных экономических, социальных, политических групп. Основные работы Даля: Dahl R.A. A Pluralistic Democracy in America. Conflict and Consensus. Chicago, 1967; *idem*. Polyarchy, Participation and Opposition. New Haven (Conn.), 1971; *idem*. Democracy in the United States. Promise and Performance. Boston, 1981; *idem*. Democracy and Its Critics. New Haven (Conn.), 1989; *idem*. On Democracy. New Haven and London, 1998 (русский перевод: Даль Р. О демократии. М., 2000).

конкурентных политических условий для объединений и граждан. В процедурную демократию, как правило, включают следующие обязательные условия: 1) всеобщее и равное избирательное право; 2) свободные, честные, часто проводимые выборы и регулярная, осуществляемая по воле избирателей сменяемость должностных лиц; 3) свобода выражения интересов и мнений и конструктивная реакция власти на них; 4) наличие альтернативных источников информации и беспрепятственный доступ к ним; 5) свобода образования и автономия общественных и политических объединений; 6) всеобщие и равные гражданские права.

“Оптимисты”, таким образом, признают американскую демократию плюралистической, процедурной, а также представительной и либеральной. Понятие “представительная” означает, что власть по большей части управляется не непосредственно избирателями, а его представителями. Понятие “либеральная” подчеркивает, что волеизъявление большинства ни в коем случае не ограничивает свободы отдельных индивидов или меньшинств (на современном этапе с помощью понятия “либеральная демократия” подчеркивается качественное своеобразие западных обществ, отличающее их от нелиберальных демократий восточного типа).

Политологам, доказывающим, что в США существует власть абсолютного или относительного большинства в вариантах мажоритарной или плюралистической демократии, противостоит группа политологов, доказывающих, что в США реальная власть принадлежит верхнему социально-политическому слою, или элите, и должна быть поименована *элитарной демократией*. Но политологов-элитаристов мы опять-таки можем разделить на две группы. К первой, которую условно можно включить в число “оптимистов”, относится влиятельная школа политологов, ведущая начало от Й. Шумпетера и доказывающая, что элитаризм совместим с демократией и даже является для нее благом. Автор знаменитого “Капитализма, социализма и демократии”, опубликованного впервые в 1942 г.³⁰, предложил редуцировать демократию до процедуры – метода конкурентного избрания компетентных руководителей. Т.е. элита должна быть открытой, обновляться и отбираться с помощью демократических процедур. Но после выборов, по убеждению Шумпетера и его единомышленников, народ по причине некомпетентности и непрофессионализма не должен иметь никакого касательства к государственному управлению.

Политологи-“пессимисты”, полагающие, что в США в действительности существует именно элитарная демократия, в отличие от Шумпетера и его единомышленников, судят о ней остро критически, более того, полагают, что демократией ее можно называть условно, с натяжкой, а то и вообще нельзя этого делать³¹. Политологи критической школы отрицательно относятся к элитарному правлению, считая, что оно резко уменьшает политическую роль большинства, а многие среди них являются поборниками *партиципаторной демократии*. Партиципаторная модель – это модернизированный вариант прямой демократии; согласно ей, непосредственное воздействие народа на политическую власть это не только демократический инструмент, но и высшая демократическая ценность, поэтому приобщение народа к непосредственному отправлению политической власти должно постоянно расширяться.

Какая из вышеизложенных концепций американской политической власти и демократии соответствует реалиям США? Представляется, что в полной мере ни одна из них, но в то же время ни одной из них пренебречь невозможно – все они, даже партиципатор-

³⁰ Русский перевод: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

³¹ Mills C.R. The Power Elite. New York, 1956; *idem*. Power, Politics and People. New York, 1963; Domhoff G.W. The Higher Circles. The Governing Class in America. New York, 1970; *idem*. The Power That Be. Process if Ruling-Class Domination in America. New York, 1979; *idem*. The Power Elite and the State: How Policy's Made in America. New York, 1990; *idem*. Who Rules America? Power and Politics. New York, 2002; Dye Th.R. Who's Running America. The Bush Era. Englewood Cliffs (New York), 1990; *idem*. Who Is Running America. The Clinton Years. Englewood Cliffs (New York), 1995; *idem*. Who Is Running America? The Bush Restoration. Upper Saddle River (New York), 2002.

ная и мажоритарная демократия, в той или иной степени отражают реалии американской политической системы и истории³². Речь должна идти о том, чтобы максимально точно определить эти степени, найти верное соотношение обсуждаемых демократических моделей в политической практике. Кроме того, американские исследователи не проанализировали, как эти модели соотносились на различных этапах американской истории. Неопределенность, сочетающаяся с откровенными ошибками характерна для исторических оценок американской демократии, высказанных в российской политологии. В труде, возможно, самого квалифицированного коллектива отечественных политологов говорится: “Лишь в первой половине XIX в. слова демократия и демократ постепенно возвращались в политический словарь, как раз когда система правления США начала отвечать критериям современной демократии: по одним оценкам, этот уровень был достигнут в 1828 г., по другим – через 20 лет, по третьим – только после гражданской войны 1861–1865 гг.”³³. На самом деле понятие *демократия* прочно укоренилось в США в период революции 1776–1783 г., в 1790-е годы одна из двух ведущих национальных партий называлась Демократическо-республиканской; слова “демократ” и “демократия” никуда не исчезали, постоянно упрочивая свое влияние. Но демократической модели, отвечающей “критериям современной демократии” в США не было создано ни в 1828 г., ни через 20 лет, ни после Гражданской войны. Она возникла не ранее 1960-х годов, когда чернокожим американцам были возвращены избирательные права, отнятые у них южными расистами в конце XIX в., и когда возрастной ценз уже для всех избирателей был снижен до 18 лет, а все иные избирательные цензы отменены.

Одним из своих исследований³⁴ автор этой статьи попытался выявить соотношение разных демократических моделей и начал на разных исторических этапах, выделив в результате шесть исторических периодов и соответственно шесть исторических типов демократии. Хронологически это следующие периоды: 1) 1607–1776 гг.; 2) последняя четверть XVIII в.; 3) 1800–1860-е годы; 4) 1870–1910-е годы; 5) период между двумя мировыми войнами; 6) от окончания Второй мировой войны до наших дней.

На первом этапе демократия присутствовала в зачаточном состоянии. Зарождалось разделение властей и относительно широкое избирательное право (им было наделено более 50% свободных белых мужчин). Политическая культура носила патриархально-подданический характер, в результате избиратели делегировали в законодательные ассамблеи представителей одних и тех же богатых семей. Соединение власти с собственностью придавало колониальной демократии не просто элитарный, а олигархический характер.

На втором этапе в период революции 1776–1783 гг. на уровне штатов получила развитие *прямая демократия*, было расширено избирательное право. Во время принятия федеральной конституции 1787 г. ее авторы осудили эксцессы демократии и противопоставили ей в качестве идеальной формы *республику*. Но в действительности они отождествляли демократию только с моделью прямой демократии, а созданная ими республика означала не что иное, как создание новой модели демократии – *представительной*. С принятием в 1789 г. федерального Билля о правах демократия в США приобрела *либеральный* характер. После возникновения в 1790-е годы партийно-поли-

³² Наряду с охарактеризованными моделями, которые назовем основными, есть и менее известные, например, разработанные политической наукой на самом современном этапе. Это в первую очередь делиберативная и консоциативная демократия. Первая, обозначаемая иногда также модным в современном общественном знании словом “дискурсивная”, означает предоставление народу широкой – от локального до национального уровня – политической трибуны для обсуждения важных общественных проблем. Консоциативная демократия предполагает пропорциональное представительство в политической власти этнических и религиозных меньшинств. Обе модели разработаны американской политической наукой, но в политической практике США пока что сколько-нибудь заметного влияния не получили.

³³ Категории политической науки. Автор концепции проекта и руководитель авторского коллектива А.Ю. Мельвиль. М., 2002, с. 209.

³⁴ *Согрин В.В.* Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М., 2011.

тической системы демократия приобрела также *плюралистический* характер. При этом она не утратила элитарного характера, но “наследование” элитой политических постов сошло на нет. В отличие от колониального периода возникает реальный политический рынок и идейно-политическая конкуренция элит.

На третьем этапе избирательное право было распространено на всех белых мужчин, а по завершении Гражданской войны, приведшей к отмене рабства, и на чернокожих американцев. Произошла демократизация как процедур выдвижения кандидатов на выборные должности, так и самих выборов. Плюралистический и либеральный характер демократии упрочился, но элитарный характер не исчез, хотя сама элита стала более открытой.

В начале четвертого этапа, в последней четверти XIX в., наблюдался ярко выраженный *олигархический крен* в развитии демократии. Капиталистический класс сумел в наибольшей степени за всю американскую историю подчинить своим интересам как государство, так и обе главные партии. В южных штатах чернокожие в результате введения избирательного налога и ценза грамотности были фактически лишены избирательного права. Но в начале XX в., в Прогрессивную эру, наблюдалась реанимация и расширение демократии. Произошло укрепление процедурной и партиципаторной демократии. В большинстве штатов были введены праймериз – первичные выборы (выдвижение кандидатов на выборные должности самими избирателями). В конституции большинства штатов были вписаны процедуры референдума избирателей и досрочного отзыва депутатов, утративших доверие. Стали прямыми выборы сенаторов США. В 1918 г. получило одобрение избирательное право для женщин. Но политические права чернокожих в южных штатах не были восстановлены.

На пятом этапе процесс демократизации получил развитие в 1930-е годы под воздействием “нового курса” Ф.Д. Рузвельта. Политическая демократия сохранилась в прежнем объеме, но благодаря реформам Рузвельта расширились социальные права нижних слоев, и таким образом политическая демократия дополнена определенным объемом социальной демократии.

На шестом этапе произошло серьезное упрочение демократии, были возвращены политические права чернокожим в южных штатах, расширены политические права женщин и иммигрантов, снижен возрастной ценз для участия в выборах, введены ограничения на финансирование избирательных кампаний корпорациями. Демократизировались группы интересов (т.е. добровольные ассоциации граждан, о которых писал еще А. де Токвиль). Вместе с тем в развитии политического плюрализма наблюдался застой: третьи партии практически утратили какое-либо влияние, две главные партии приобрели характер политических олигополий. Элитарный характер демократии в результате не только не ослабел, но даже в известной мере упрочился.

Нововведения XIX–XX вв. укрепляли в основном представительную и плюралистическую демократию, но также отчасти прямую и партиципаторную. Прямая и партиципаторная демократия воплотились почти исключительно в конституциях штатов. На современном этапе упрочился либеральный характер американской демократии (т.е. поддержание баланса прав большинства, меньшинств и индивидов). Главная роль в укреплении и развитии демократии принадлежала народу. Но политический рынок и конкуренция имели тенденцию создавать выигрышные условия для богатых и обеспеченных слоев и групп, располагавших наибольшими финансовыми возможностями для продвижения собственных интересов и кандидатов. Это заключало опасность политического возвышения олигархии, которая в отдельные периоды выступала достаточно зримо. Но средние и нижние слои противостояли этой тенденции и не раз ее успешно блокировали. Так было в 1820–1840-е, 1860-е, 1900-е, 1930-е, 1960–1970-е годы. Их усилиями поддерживался и укреплялся плюралистический характер демократии. В целом же современную модель американской демократии можно определить как *либеральную и элитарно-плюралистическую*. Таков вкратце итог исследования истории американской демократии с использованием категорий и подходов политической науки.

Обратимся теперь к междисциплинарному изучению американской социальной истории, в котором главная роль принадлежит синтезу методов исторической и социологической наук. В советский период, опираясь на марксистско-ленинский классовый подход, который в каждой “антагонистической” общественно-экономической формации (рабовладельческая, феодальная и капиталистическая) выделял два главных противоборствующих класса, отечественные американисты рассматривали пролетариат и капиталистический класс как двух основных и непримиримых субъектов американской истории. При этом первостепенное внимание было уделено рабочему классу, рассмотрение которого в свою очередь в серьезной мере подчинялось идеологизированным схемам и иллюзиям. “Сверхзадачей” являлось отыскание радикального и социалистического потенциала американского рабочего класса, неприятия им капитализма и капиталистической эксплуатации, поиска ответов на вопросы, почему “социалистический” и “революционный” потенциал американского пролетариата не реализовывался в те или иные эпохи, какие ошибки и просчеты совершали американские коммунисты и социалисты, призванные возглавить пролетариат в борьбе против капитализма.

Научная уязвимость подобного подхода, как и основанных на нем исследований американского пролетариата и буржуазии, в целом *социальной истории*, очевидны. Непредвзятый взгляд на американскую историю обнаруживает, что историческая роль, влияние и облик американского пролетариата были советскими американистами искажены. В действительности на протяжении большей части американской истории конфликт пролетариата и капиталистического класса не играл главной роли. В течение четырех веков американской истории этот конфликт только дважды – рубеж XIX–XX вв. и 1930-е годы – выходил на ведущее место в социальных взаимоотношениях в Америке, приобретал радикальный, но даже и в те периоды не антагонистический характер. Во все же иные эпохи американской истории основное социальное напряжение в США создавалось иными социальными силами, которым отечественные американисты не уделили должного внимания. Кроме этого, пролетариат и капиталистический класс, как, впрочем, и другие социальные группы и слои, не только конфликтовали, но и взаимодействовали, договаривались, сосуществовали. Эти стороны советских американистов практически не интересовали.

Изучение истории рабочего движения США может быть продолжено с современных позиций. Важно объективно исследовать соотношение различных тенденций в рабочем движении. Но в не менее объективном и активном изучении нуждаются другие объекты социальной истории: разнообразие расово-этнические, религиозные, возрастные, гендерные и иные социальные группы, многие среди которых на тех или иных этапах американской истории оказывали на общество большее воздействие, чем рабочий класс. Например, в колониальный период особое значение приобрели религиозные группы и их конфликты. Значение религиозных групп в социальных отношениях в последующие периоды ослабевало, но всегда оставалось важным вплоть до наших дней. Их изучение в контексте социальной истории остается “белым пятном” отечественной американистики.

На современном этапе особое значение приобрел гендерный (между женщинами и мужчинами) конфликт, который играл более важную роль. Американская историография избрала гендерные отношения в качестве своего важнейшего объекта применительно ко всем этапам истории. В результате в изучении социальной истории произошел даже определенный перекос: значение этого конфликта применительно к некоторым историческим эпохам было преувеличено. Отечественная историография может внести свою лепту в установление объективной роли гендерного конфликта на разных этапах американской истории.

В последние десятилетия более важное значение, нежели классический классовый конфликт, в США приобрели расово-этнические конфликты. А в 1960–1970-е годы особенно острым был конфликт разных поколений, и молодежь создавала гораздо более острые конфликтогенные ситуации, нежели рабочий класс. На новейшем этапе на ведущую позицию вышел социокультурный конфликт, и применительно к 1980–2000-м годам

в США говорят о важнейшей роли “культурных войн”, расколовших Америку на “две нации” – приверженцев традиционных социокультурных ценностей и норм и сторонников социокультурного модерна (поведенческая девиация, нетрадиционная семья и нетрадиционные сексуальные ориентации и т.д.). Объективное и полнокровное изучение всех этих конфликтов историками невозможно без овладения разнообразными теоретическими и методологическими подходами и инструментариями, которые ранее не использовались.

Современная социологическая наука как раз включает в себя категории и подходы, которые в случае соединения с собственными методами исторической науки, в первую очередь, историзмом помогают преодолеть “узкие места” отечественной американистики и расширить возможности объективного и творческого изучения социальной истории. Отмечу, что мировая социологическая наука не отвергает категории *классов*, но трактует их иначе, чем марксистская наука. Социальную дифференциацию (стратификацию) она рассматривает более широко, включая в нее на равных с экономическими классами крупные социальные группы – расово-этнические, религиозные, возрастные, гендерные. Для изучения американской социальной истории подобное повышение статуса этих социальных групп имеет важное значение, поскольку на многих исторических этапах именно они, а не экономические классы выходили на ведущую общественно-политическую позицию.

Социология предлагает историографии целый набор важных познавательных категорий. Вот только некоторые среди них: горизонтальная и вертикальная социальная мобильность, социальные группы и социальные институты, социальная культура и социальные субкультуры, предписанные и приобретенные социальные статусы, социализация первичная, вторичная и ресоциализация, социальная стратификация, социальная роль.

Возьмем проблему вертикальной и горизонтальной социальной мобильности в американской истории. Применительно к современному этапу она весьма активно исследуется американской социологией, применяющей собственные исследовательские методики, включая количественные методы исследования. Под вертикальной социальной мобильностью при этом понимаются динамика взаимоотношений и “взаимообмен” между всеми социальными общностями, а особенно экономическими классами. Но применительно к прошлым этапам, что является уже доменом исторической науки, эта тема исследуется слабо. Не отличается активностью в ее исследовании американская историческая наука, а отечественную американистику она практически вообще не интересует. Зададимся вопросами: как выстроена социальная мобильность, как изменилось материальное и социально-статусное положение различных классов и слоев, стало ли американское общество социально более открытым и в какой степени, какими были количество и глубина экономических и социальных нововведений и как их плоды распределились между разными социальными группами в колониальную эпоху, периоды Войны за независимость и образования США, джексоновской демократии, Гражданской войны и Реконструкции, “позолоченного века” и Прогрессивной эры, “десятилетия процветания” 1920-х, Нового курса 1930-х? Сколько-нибудь полного и удовлетворительного ответа на большинство из этих вопросов, соответствующего современному уровню научного познания, отечественная американистика не дает. А ведь без этого вряд ли можно дать полнокровную объективную оценку этих центральных проблем американской истории.

Альянс исторической науки с социологией (также, как и с политологией), возможен только на равноправной основе. Принцип историзма, не интересующий социологию, ни в коем случае не должен приноситься в жертву. Кроме того, важно учитывать, что в рамках самой социологии единства нет, она разделена на многие школы. Проиллюстрирую это на примере анализа американской социологией социальной составляющей постиндустриального общества, развивающегося в США уже более 50 лет. В его изучении американскими социологами характерен теоретический и методологический плюрализм, перерастающий в некий хаос, который выражается в том, что практически каждый более или менее значительный исследователь предлагает собственную модель американ-

ской социальной структуры³⁵. Вместе с тем в социологической литературе можно выделить две главные точки зрения – *оптимистическую* и *пессимистическую*.

Оптимистическая оценка включает следующие основные положения: в новейший период в США не только сохранились, но и расширились возможности как горизонтальной, так и вертикальной социальной мобильности, а взаимобмен между классами происходил более активно, чем раньше; наиболее динамично развивался средний класс, достигший двух третей общества; резко улучшил свое положение и нижний класс. Среди представителей *пессимистической*, или *социально-критической*, точки зрения заметны те, кто считает, что качественных изменений в распределении национального богатства и классовой структуре не произошло и что основополагающим остается разделение на верхний финансово-предпринимательский класс и армию работников наемного труда. Вместе с тем часть авторов социально-критической ориентации, не игнорируя марксистского критерия классовой дифференциации, сочетает его с критериями влиятельных немарксистских социологов, в первую очередь М. Вебера (для него в построении модели социальной стратификации важнейшее значение имели социальные статусы тех или иных социальных и профессиональных групп, определяемые уровнем дохода, образования, жилищными условиями, образом жизни, властными возможностями, а также социальной самоидентификацией).

Пожалуй, центральной темой дискуссий в социологической литературе стал средний класс. Замечу, что в советской американистике это понятие практически табуировалось, да и в постсоветский период оно употребляется осторожно и, по крайней мере, среди историков сохраняется весьма смутное представление о том, что это такое. В американской литературе понятие “средний класс” впервые стало употребляться в XIX в., и тогда в него включали по преимуществу средних и мелких собственников, а также специалистов с хорошими доходами – юристов, врачей, государственных чиновников, профессуру. В начале XX в. впервые стало использоваться понятие “новый средний класс” в связи с резким увеличением количества инженерно-технических работников и офисных служащих. В отличие от традиционного или “старого” среднего класса, эти слои не были связаны с собственностью и не являлись высоко оплачиваемыми специалистами. Но они по целому ряду характеристик – величина дохода, уровень образования, социальный престиж, место и условия проживания, жизненные установки, которые отличались и от рабочего класса. Также в отличие от рабочих они обладали определенными контрольными функциями в сфере производства и в экономическом процессе в целом. С 20-х годов XX в., также в отличие от рабочих, они стали активно приобщаться к обществу потребления, приобретая собственные дома, автомобили, направляя своих детей в платные учебные заведения.

Но подлинная история “нового” среднего класса началась после Второй мировой войны, когда под воздействием научно-технической революции его ряды стали стремительно расширяться, пополняться представителями все новых и новых профессий³⁶. Его отличия от “старого” среднего класса сохранились, при этом численно “новый” средний класс возобладавал. В результате большинство в среднем классе стало принадлежать индивидам, не связанным с собственностью, в том числе лицам наемного труда. Последние отличались от наемных рабочих не только тем, что были заняты умственным, а не физическим трудом, приходили на работу и работали в белых рубашках и костюмах, а не в синих или серых спецовках. Они обладали целым рядом статусных отличий, которые в совокупности дали основание отделить их от классического пролетариата индустриальной эпохи. Одним из таких отличий можно считать различие в доходах. В конце XX в. среднегодовые доходы профессиональных групп, относимых к новому среднему классу, были в два раза выше доходов профессиональных групп, занятых физическим трудом. Трудовая деятельность профессиональных групп нового среднего класса носи-

³⁵ См.: *Согрин В.В.* Социальная структура США в эпоху постиндустриального общества. – Новая и новейшая история, 2008, № 3, с. 3–21.

³⁶ См. подробно: *Согрин В.В.* Исторический опыт США, с. 395–475.

ла более творческий характер, чем у рабочих, и не была связана с риском физических перегрузок, травматизма. Seriously различались трудовые мотивы и жизненные ориентиры двух классов. Представители нового среднего класса, в отличие от классического рабочего класса, гораздо меньшие коллективисты и не склонны объединяться в профсоюзы (численность последних во второй половине XX в. сократилась с 35 до 10% занятого населения).

Удельный вес среднего класса в занятом населении динамично возрастал, а работников физического труда уменьшался. Основная группа работников физического труда, обозначаемых в США как “операторы” (operatives) и включающих сборщиков на конвейерах, рабочих-станочников, водителей, ряд других категорий, составляла в середине XX в. 20%, а в конце 10%. Различные категории неквалифицированных рабочих (laborers) в те же периоды составили 7 и 4%. В целом “синеворотничковые” работники физического труда, т.е. классический промышленный пролетариат, составлял в начале XXI в. не более 14% занятого населения.

Таковы современные характеристики американского среднего класса и его соотношения с рабочим классом. Для историков важен вопрос, какими они были в прошлые эпохи. И здесь вновь важно предостеречь от “ловушки”, заключающейся в механистическом заимствовании категорий социологии. Категория средний класс, также как классическая триада американской социологии – верхний, средний, нижний классы – должны осторожно использоваться применительно к более ранним эпохам американской истории, обладающим серьезными качественными отличиями от современности, соотноситься с теми понятиями, которые использовались для обозначения их социальных реалий современниками. Но при надлежащем соединении историзма с подходами социологической науки возможности познания прошлого расширятся и углубятся.

Междисциплинарность не отрицает значения традиционных подходов. Они сохраняют и в обозримом будущем сохраняют ведущую позицию в отечественной исторической американистике. Междисциплинарные подходы, расширяющие ее познавательные возможности, важно поддерживать. Как представляется, усилий отдельных исследователей для этого недостаточно. Познание междисциплинарной методологии важно развивать у студентов и аспирантов исторических факультетов высших учебных заведений и исторических институтов Академии наук. Только в этом случае она может пустить прочные корни в исследовательской практике исторической науки.